

Классика
в школе и дома

Сергей Тимофеевич
Аксаков

Аленький
цветочек

Москва

2022

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
А41

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работ
художника *Элеоноры Вер Бойл*

Аксаков, Сергей Тимофеевич.

А41 Аленький цветочек / Сергей Аксаков. — Москва :
Эксмо, 2022. — 192 с. : ил.

ISBN 978-5-04-116557-4

В раннем детстве злая колдунья обращает юношу в чудище. И ее заклятие длится годами, пока Настенька, пытаясь спасти отца, не оказывается в заточении вместе с чудищем. Какова сила самоотверженной любви? Способна ли она разрушить злые чары?

Сказка, рассказанная автором в стилистике напевного сказа, учит тому, что человек определяется не внешностью, а чувствами и поступками, а аленький цветочек становится символом любви и преданности.

В книгу входят сказка «Аленький цветочек» и знаменитая повесть «Детские годы Багрова-внука».

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-116557-4

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

Аленькій Цветочекъ

Сказка ключницы Пелагеи

В некиим царстве, в некиим государстве жил-был богатый купец, именитый человек. Много у него было всякого богатства, дорогих товаров заморских, жемчугу, драгоценных каменьев, золотой и серебряной казны; и было у того купца три дочери, все три красавицы писанные, а меньшая лучше всех; и любил он дочерей своих больше всего своего богатства, жемчугов, драгоценных каменьев, золотой и серебряной казны — по той причине, что он был вдовец и любить ему было некого; любил он старших дочерей, а меньшую дочь любил больше, потому что она была собой лучше всех и к нему ласковее. Вот и собирается тот купец по своим торговым делам за море, за тридевять земель, в тридевятое царство, в тридесятое государство, и говорит он своим любезным дочерям: «Дочери мои милые, дочери мои хорошие, дочери мои приго-

жие, еду я по своим купецкиим делам за тридевять земель, в тридевятое царство, тридесятое государство, и мало ли, много ли времени проезжу — не ведаю, и наказываю я вам жить без меня честно и смирно; и коли вы будете жить без меня честно и смирно, то привезу вам такие гостинцы, каких вы сами похочете, и даю я вам сроку думать на три дня, и тогда вы мне скажете, каких гостинцев вам хочется». Думали они три дня и три ночи и пришли к своему родителю, и стал он их спрашивать, каких гостинцев желают. Старшая дочь поклонилась отцу в ноги, да и говорит ему первая:

«Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни мехов черного соболя, ни жемчуга бурмицкого, а привези ты мне золотой венец из камениев самоцветных, и чтоб был от них такой свет, как от месяца полного, как от солнца красного, и чтоб было от них светло в темную ночь, как среди дня белого». Честной купец призадумался и сказал потом: «Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая: привезу я тебе таковой венец; знаю я за морем такова человека, который достанет мне таковой венец; а и есть он у одной королевишны заморския, а и спрятан он в кладовой каменной, а и стоит та кладовая в каменной горе, глубиной на три сажени, за тремя дверьми железными, за тремя замками немецкими. Работа будет немалая: да для моей казны супротивного нет». Поклонилась ему в ноги дочь середняя и говорит: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных мехов соболя сибирского, ни ожерелья жемчуга бурмицкого, ни золота венца самоцветного, а привези ты мне тувалет из хрусталию восточного,

цельного, беспорочного, чтобы, глядя в него, видела я всю красоту поднебесную и чтоб, смотрясь в него, я не старилась и красота б моя девичья прибавлялася». Призадумался честной купец и, подумав мало ли, много ли времени, говорит ей таковые слова: «Хорошо, дочь моя милая, хорошая и пригожая, достану я тебе таковой хрустальный тувалет; а и есть он у дочери короля персидского, молодой королевшины, красоты несказанной, неописанной и негданной: и схоронен тот тувалет в терему каменном, высокиим, и стоит он на горе каменной, вышина той горы в триста сажен, за семью дверьми железными, за семью замками немецкими, и ведут к тому терему ступеней три тысячи, и на каждой ступени стоит по воину персидскому и день и ночь, с саблюю наголо булатною, и ключи от тех дверей железных носит королевшина на поясе. Знаю я за морем такова человека, и достанет он мне таковой тувалет. Потяжеле твоя работа сестриной: да для моей казны супротивного нет». Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит таково слово: «Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне *аленькой цветочек*, которого бы не было краше на белом свете». Призадумался честной купец крепче прежнего. Мало ли, много ли времени он думал, доподлинно сказать не могу; надумавшись, он целует, ласкает, приголубливает свою меньшую дочь любимую и говорит таковые слова: «Ну, задала ты мне работу потяжеле сестриных: коли знаешь, что искать, то как не сыскать, а как найти то, чего сам не знаешь? Аленькой

цветочек не хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете? Буду стараться, а на гостинце не взыщи». И отпустил он дочерей своих, хороших, пригожих, в ихние терема девичьи. Стал он собираться в путь, во дороженьку, в дальние края заморские. Долго ли, много ли он собирался, я не знаю и не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Поехал он в путь, во дороженьку. Вот ездит честной купец по чужим сторонам заморским, по королевствам невиданным; продает он свои товары втридорога, покупает чужие втридешева; он меняет товар на товар и того сходней, со придачею серебра да золота; золотой казной корабли нагружает да домой посылает. Отыскал он заветный гостинец для своей старшей дочери: венец с камнями самоцветными, а от них светло в темную ночь, как бы в белый день. Отыскал заветный гостинец и для своей средней дочери: тувалет хрустальный, а в нем видна вся красота поднебесная, и, смотрясь в него, девичья красота не стареется, а прибавляется. Не может он только найти заветного гостинца для меньшей любимой дочери, аленького цветочка, краше которого не было бы на белом свете. Находил он во садах царских, королевских и султановых много аленьких цветочков такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать; да никто ему поруки не дает, что краше того цветка нет на белом свете; да и сам он того не думает. Вот едет он путем-дорогою, со своими слугами верными, по пескам сыпучиим, по лесам дремучиим, и откуда ни возмись налетели на него разбойники, бусурманские, турецкие да индейские нехристи поганые; и, увидя беду неминуемую, бросает честной купец свои караваны богатые со прислугою

своей верною и бежит в темны леса. «Пусть-де меня растерзают звери лютые, чем попасться мне в руки разбойничьи, поганые и доживать свой век в плену, во неволе». Бродит он по тому лесу дремучему, непроездному, непроходному, и что дальше идет, то дорога лучше становится, словно деревья перед ним расступаются, а часты кусты раздвигаются. Смотрит назад — руки не просунуть, смотрит направо — пни да колоды, зайцу косому не проскочить, смотрит налево — а и хуже того. Дивуется честной купец, думает не придумает, что с ним за чудо совершается, а сам все идет да идет: у него под ногами дорога торная. Идет он день от утра до вечера, не слышит он реву звериного, ни шипения змеиноного, ни крику совиного, ни голоса птичьего: ровно около него все повымерло. Вот пришла и темная ночь: кругом его хоть глаз выколи, а у него под ногами светлехонько. Вот идет он, почитай, до полуночи, и стал видеть впереди будто зарево, и подумал он: «Видно, лес горит, так зачем же мне туда идти на верную смерть, неминуемую?» Поворотил он назад — нельзя идти, направо, налево — нельзя идти; сунулся вперед — дорога торная. «Дай постою на одном месте, может, зарево пойдет в другую сторону, аль прочь от меня, аль потухнет совсем». Вот и стал он, дожидается; да не тут-то было: зарево точно к нему навстречу идет и как будто около него светлее становится; думал он, думал и порешил идти вперед. Двух смертей не бывать, одной не миновать. Перекрестился купец и пошел вперед. Чем дальше идет, тем светлее становится, и стало, почитай, как белый день, а не слышно шуму и треску пожарного. Выходит он под конец на поляну широкую, и посередь той поляны широкой стоит дом не

дом, чертог не чертог, а дворец королевский или царский, весь в огне, в серебре и золоте и в камнях самоцветных, весь горит и светит, а огня не видать; ровно солнышко красное, индо тяжело на него глазам смотреть. Все окошки во дворце растворены, и играет в нем музыка согласная, какой никогда он не слышивал. Входит он на широкий двор, в ворота широкие, растворенные; дорога пошла из белого мрамора, а по сторонам бьют фонтаны воды высокие, большие и малые. Входит он во дворец по лестнице, устланной кармазинным сукном, со перилами позолоченными; вошел в горницу — нет никого; в другую, в третью — нет никого, в пятую, десятую — нет никого; а

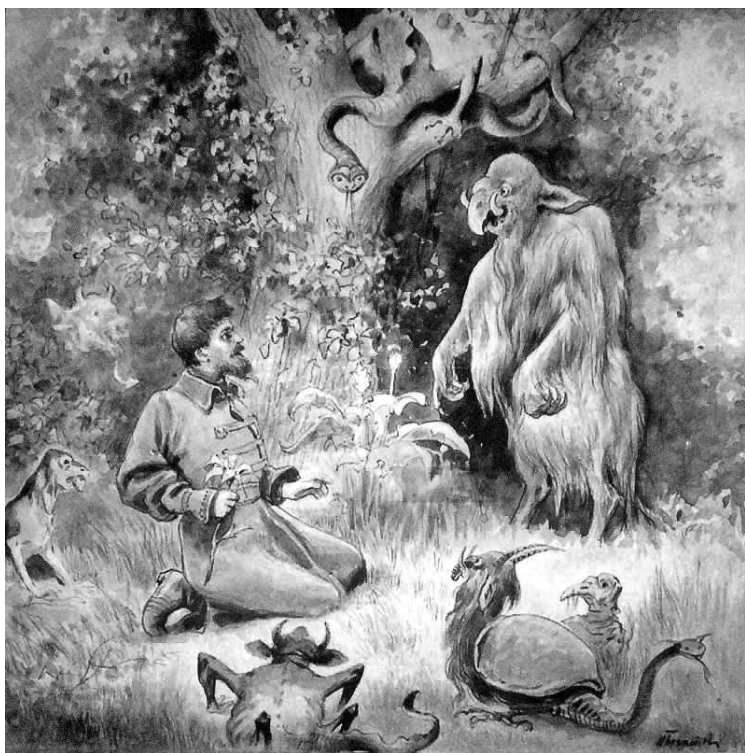
убранство везде царское, неслыханное и невиданное: золото, серебро, хрустали восточные, кость слоновая и мамонтовая. Дивится честной купец такому богатству несказанному, а вдвое того, что хозяина нет; не токмо хозяина, и прислуги нет; а музыка играет не смолкаяючи; и подумал он в те поры про себя: «Все хорошо, да есть нечего», — и вырос перед ним стол, убранный-разубранный: в посуде золотой да серебряной яства стоят сахарные и вина заморские и питья медвяные. Сел он за стол без сумления: напился, наелся досыта, потому что не ел сутки целые; кушанье такое, что и сказать нельзя, — того и гляди, что язык проглотишь, а он, по лескам и пескам ходючи, крепко проголодался; встал он из-за стола, а поклониться некому и сказать спасибо за хлеб за соль некому. Не успел он встать да оглянуться, а стола с кушаньем как не бывало, а музыка играет неумолкаяючи. Дивуется честной купец такому чуду чудному и такому диву дивному, и ходит он по палатам изукрашенным да любится, а сам думает: «Хорошо бы теперь соснуть да всхрапнуть», — и видит, стоит перед ним кровать резная, из чистого золота, на ножках хрустальных, с пологом серебряным, с бахромою и кистями жемчужными; пуховик на ней как гора лежит, пуху мягкого, лебяжьего. Дивится купец такому чуду новому, новому и чудному; ложится он на высокую кровать, задерживает полог серебряный и видит, что он тонок и мягок, будто шелковый. Стало в палате темно: ровно в сумерки, и музыка играет будто издали, и подумал он: «Ах, кабы мне дочерей хоть во сне увидеть», — и заснул тое ж минуточку.

Просыпается купец, а солнце уже взошло выше дерева стоячего. Проснулся купец, а вдруг опом-

ниться не может: всю ночь видел он во сне дочерей своих любезных, хороших и пригожих, и видел он дочерей своих старших: старшую и среднюю, что они веселым-веселехоньки, а печальна одна дочь меньшая, любимая; что у старшей и средней дочери есть женихи богатые и что собираются они выйти замуж, не дождавшись его благословения отцовского; меньшая же дочь любимая, красавица писаная, о женихах и слышать не хочет, покуда не воротится ее родимый батюшка; и стало у него на душе и радостно и не радостно. Встал он со кровати высокая, платье ему все приготовлено, и фонтан воды бьет в чашу хрустальную; он одевается, умывается и уж новому чуду не дивуется: чай и кофей на столе стоят, и при них закуска сахарная. Помолвившись богу, он накушался, и стал он опять по палатам ходить, чтоб опять на них полюбоваться при свете солнышка красного. Все показалось ему лучше вчерашнего. Вот видит он в окна растворенные, что кругом дворца разведены сады диковинные, плодовые, и цветы цветут красоты неописанной. Захотелось ему по тем садам прогуляться.

Сходит он по другой лестнице из мрамора зеленого, из малахита медного, с перилами позолоченными, сходит прямо в зеленые сады. Гуляет он и любит; на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся, индо, глядя на них, слюнки текут; цветы цветут распрекрасные, мохровые, пахучие, всякими красками расписанные; птицы летают невиданные: словно по бархату зеленому и пунцовому золотом и серебром выложенные, песни поют райские; фонтаны воды бьют высокие, индо глядеть на их вышину — голова запрокидывается; и

бегут и шумят ключи родниковые по колодам хрустальным. Ходит честной купец, дивуется; на все такие диковинки глаза у него разбежались, и не знает он, на что смотреть и кого слушать. Ходил он так, много ли, мало ли времени — неведомо: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. И вдруг видит он на пригорочке зеленым цветет цветок цвету алого, красоты невиданной и неслыханной, ни в сказке сказать, ни пером написать. У честного купца дух занимается, подходит он ко тому цветку, запах от цветка по всему саду, ровно струя бежит; затряслись и руки и ноги у купца, и возговорил он голосом радостным: «Вот аленькой цветочек, какого нет краше на белом свете, о каком просила меня дочь меньшая, любимая». И, проговорив таковы слова, он подошел и сорвал аленькой цветочек. В то же ж минуту, безо всяких туч, блеснула молонья и ударил гром, индо земля зашаталась под ногами, — и вырос, как будто из земли, перед купцом зверь не зверь, человек не человек, а так какое-то чудовище, страшное и мохнатое, и заревел он голосом диким: «Что ты сделал? Как ты посмел сорвать в моем саду мой заповедной, любимой цветок? Я хоронил его паче зеницы ока моего и всякой день утешался, на него глядячи, а ты лишил меня всей утехи в моей жизни. Я хозяин дворца и сада, я принял тебя, как дорогого гостя и званого, накормил, напоил и спать уложил, а ты эдак-то заплатил за мое добро? Знай же свою участь горькую: умереть тебе за свою вину смертью безвременною...» И несчетное число голосов диких со всех сторон завопило: «Умереть тебе смертью безвременною!» У честного купца от страха зуб на зуб не приходил; он оглянулся кругом и видит, что со всех сто-

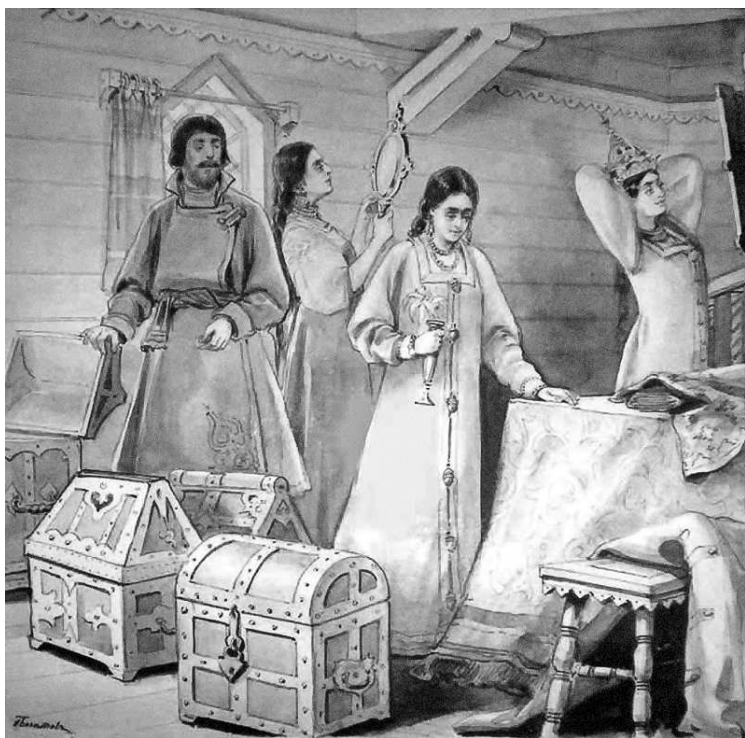

рон, из-под каждого дерева и кустика, из воды, из земли лезет к нему сила нечистая и несметная, все страшилища безобразные. Он упал на колени перед наибольшим хозяином, чудищем мохнатым, и возговорил голосом жалобным: «Ох ты гой еси, господин честной, зверь лесной, чудо морское! как взвеличать тебя — не знаю, не ведаю. Не погуби ты души моей христианския за мою продерзость безвинную, не прикажи меня рубить и казнить, прикажи слово вымолвить. А есть у меня три дочери, три дочери красавицы, хорошие и пригожие; обещал я им по гостинцу привезть: старшей дочери — самоцветный венец, средней дочери — тувалет хрустальный; а

меньшой дочери — аленькой цветочек, какого бы не было краше на белом свете. Старшим дочерям гостинцы я сыскал, а меньшой дочери гостинца отыскать не мог; увидел я такой гостинец у тебя в саду, аленькой цветочек, какого краше нет на белом свете, и подумал я, что такому хозяину богатому, богатому, славному и могучему, не будет жалко цветочка аленького, о каком просила моя меньшая дочь любимая. Каюсь я в своей вине перед твоим величеством. Ты прости мне, неразумному и глупому, отпусти меня к моим дочерям родимым и подари мне цветочек аленькой, для гостинца моей меньшой, любимой дочери. Заплачу я тебе казны золотой, что потребуешь». Раздался по лесу хохот, словно гром загремел, и возговорит купцу зверь лесной, чудо морское: «Не надо мне твоей золотой казны: мне своей девать некуда. Нет тебе от меня никакой милости, и разорвут тебя мои слуги верные на куски, на части мелкие. Есть одно для тебя спасенье. Я отпущу тебя домой невредимого, награжу казной несчетною, подарю цветочек аленькой, коли дашь ты мне слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь заместо себя одну из дочерей своих, хороших, пригожих; я обиды ей никакой не сделаю, а и будет она жить у меня в чести и приволье, как сам ты жил во дворце моем. Стало скучно мне жить одному, и хочу я залучить себе товарища». Так и пал купец на сыру землю, горячими слезами обливается; а и взглянет он на зверя лесного, на чудо морское, а и вспомнит он своих дочерей, хороших, пригожих, а и пуце того завопит истошным голосом: больно страшен был лесной зверь, чудо морское. Много времени честной купец убивается и слезами обливается, и возговорит

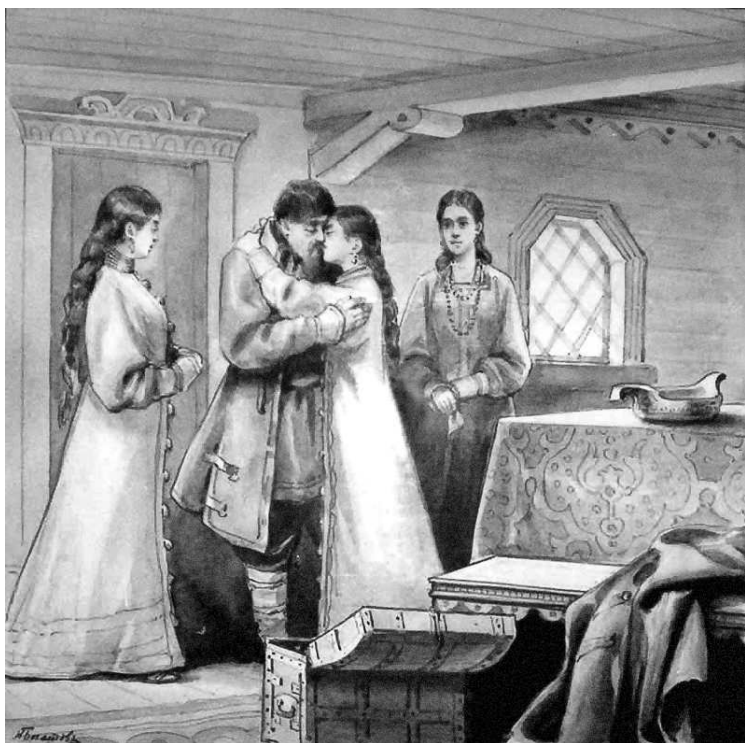
он голосом жалобным: «Господин честной, зверь лесной, чудо морское! А и как мне быть, коли дочери мои, хорошие и пригожие, по своей воле не похочут ехать к тебе? Не связать же мне им руки и ноги да насильно прислать? Да и каким путем до тебя доехать? Я ехал к тебе ровно два года, а по каким местам, по каким путям, я не ведаю». Возговорит купцу зверь лесной, чудо морское: «Не хочу я невольницы: пусть приедет твоя дочь сюда по любви к тебе, своей волею и хотением; а коли дочери твои не поедут по своей воле и хотению, то сам приезжай, и велю я казнить тебя смертью лютою. А как приехать ко мне — не твоя беда; дам я тебе перстень с руки моей: кто наденет его на правый мизинец, тот очутится там, где пожелает, во единое ока мгновение. Сроку тебе даю дома пробыть три дня и три ночи». Думал, думал купец думу крепкую и придумал так: «Лучше мне с дочерьми повидаться, дать им свое родительское благословение, и коли они избавить меня от смерти не похочут, то приготовиться к смерти по долгу христианскому и воротиться к лесному зверю, чуду морскому». Фальши у него на уме не было, а потому он рассказал, что у него было на мыслях. Зверь лесной, чудо морское, и без того их знал; видя его правду, он и записи с него заручной не взял, а снял с своей руки золотой перстень и подал его честному купцу. И только честной купец успел надеть его на правый мизинец, как очутился он в воротах своего широкого двора; в ту пору в те же ворота въезжали его караваны богатые с прислугою верною, и привезли они казны и товаров втрое противу прежнего. Поднялся в доме шум и гвалт, повскакали дочери из-за пялец своих, а вышивали они серебром и золо-

том ширинки шелковые; почали они отца целовать, миловать и разными ласковыми именами называть, и две старшие сестры лебезят пуще меньшей сестры. Видят они, что отец как-то не радостен и что есть у него на сердце печаль потаенная. Стали старшие дочери его допрашивать: не потерял ли он своего богатства великого; меньшая же дочь о богатстве не думает, и говорит она своему родителю: «Мне богатства твои ненадобны; богатство дело наживное, а открой ты мне свое горе сердешное». И возговорит тогда честной купец своим дочерям родимым, хорошим и пригожим: «Не потерял я своего богатства великого, а нажил казны втрое-вчетверо; а есть у меня другая печаль, и скажу вам об ней завтрашний день, а сегодня будем веселиться». Приказал он принести сундуки дорожные, железом окованные; доставал он старшей дочери золотой венец, золота аравийского, на огне не горит, в воде не ржавеет, со камнями самоцветными; достает гостинец средней дочери, тувалет хрустально восточного; достает гостинец меньшей дочери, золотой кувшин с цветочком аленьким. Старшие дочери от радости рехнулись, унесли свои гостинцы в терема высокие и там на просторе ими досыта потешались. Только дочь меньшая любимая, увидав цветочек аленькой, затряслась вся и заплакала, точно в сердце ее что ужалило. Как возговорит к ней отец таковы речи: «Что же, дочь моя милая, любимая, не берешь ты своего цветка желанного; краше его нет на белом свете?» Взяла дочь меньшая цветочик аленькой ровно нехотя, целует руки отцовы, а сама плачет горючими слезами. Скоро прибежали дочери старшие, попытали они гостинцы отцовские и не могут опомниться от радости. Тогда

сели все они за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за пития медвяные; стали есть, пить, прохладжаться, ласковыми речами утешаться. Ввечеру гости понаехали, и стал дом у купца полнехонек дорогих гостей, сродников, угодников, прихлебателей. До полуночи беседа продолжалася, и таков был вечерний пир, какого честной купец у себя в дому не видывал и, откуда что бралось, не мог догадаться он, да и все тому дивовались: и посуды золотой-серебряной, и кушаньев диковинных, каких никогда в дому не видывали. Заутра позвал к себе купец старшую дочь, рассказал ей все, что с ним приключилося, все от слова до слова, и спросил: хо-

чет ли она избавить его от смерти лютыя и поехать жить к зверю лесному, к чуду морскому? Старшая дочь наотрез отказалась и говорит: «Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленькой цветочек». Позвал честной купец к себе другую дочь, среднюю, рассказал ей все, что с ним приключилось, все от слова до слова, и спросил: хочет ли она избавить его от смерти лютыя и поехать жить к зверю лесному, чуду морскому? Средняя дочь наотрез отказалась и говорит: «Пусть та дочь и выручает отца, для кого он доставал аленькой цветочек». Позвал честной купец меньшую дочь и стал ей все рассказывать, все от слова до слова, и не успел кончить речи своей, как стала перед ним на колени дочь меньшая, любимая и сказала: «Благослови меня, государь мой батюшка родимый: я поеду к зверю лесному, чуду морскому и стану жить у него. Для меня достал ты аленькой цветочек, и мне надо выручить тебя». Залил слезами честной купец, обнял он свою меньшую дочь любимую и говорит ей таковые слова: «Дочь моя милая, хорошая, пригожая, меньшая и любимая! Да будет над тобою мое благословение родительское, что выручаешь ты своего отца от смерти лютыя и по доброй воле своей и хотению идешь на житье противное к страшному зверю лесному, чуду морскому. Будешь жить ты у него во дворце, в богатстве и приволье великиим; да где тот дворец — никто не знает, не ведает, и нет к нему дороги ни конному, ни пешему, ни зверю прыскучему, ни птице перелетной. Не будет нам от тебя ни слуха ни весточки, а тебе об нас и подавно. И как мне доживать мой горькой век, лица твоего не выдаючи, ласковых речей твоих не слыхаючи; расстаюсь я с тобою на веки веч-

ные, ровно тебя живую в землю хороню». И возговорит отцу дочь меньшая, любимая: «Не плачь, не тоскуй, государь мой батюшка родимый; житье мое будет богатое, привольное: зверя лесного, чуда морского я не испугаюсь, буду служить ему верой и правдою, исполнять его волю господскую, а может, он надо мною и сжалится. Не оплакивай ты меня живую, словно мертвую: может, бог даст, я и вернусь к тебе». Плачет, рыдает честной купец, таковыми речами не утешается. Прибегают сестры старшие, большая и средняя, подняли плач по всему дому: вишь, больно им жаль меньшей сестры любимыя; а меньшая сестра и виду печального не кажет, не плачет,

не охает и в дальний путь неведомый собирается. И берет с собою цветочек аленькой во кувшине позолоченном. Прошел третий день и третья ночь, пришла пора расставаться честному купцу, расставаться с дочерью меньшею, любимую; он целует, милует ее, горячими слезами обливает и кладет на нее крестное благословение свое родительское. Вынимает он перстень зверя лесного, чуда морского из ларца ковального, надевает перстень на правый мизинец меньшей любимой дочери — и не стало ее в то же минуточку, со всеми ее пожитками.

Очутилась она во дворце зверя лесного, чуда морского, во палатах высоких, каменных, на кровати из резного золота, со ножками хрустальными, на пуховике пуха лебяжьего, покрытом золотой камкой; ровно она и с места не сходила, ровно она целый век тут жила, ровно легла почивать, да проснулась. Заиграла музыка согласная, какой сродясь она не слыхивала. Встала она со постели пуховая и видит, что все ее пожитки и цветочек аленькой в кувшинчике позолоченном тут же стоят, раскладены и расставлены на столах зеленых малахита медного, и что в той палате много добра и скарба всякого, есть на чем посидеть-полежать, есть во что приодеться, есть во что посмотреться. И была одна стена вся зеркальная, а другая стена золоченая, а третья стена вся серебряная, а четвертая стена из кости слоновья и мамонтовая, самоцветными яхонтами вся разубранная, и подумала она: «Должно быть, это моя опочивальня». Захотелось ей осмотреть весь дворец, и пошла она осматривать все его палаты высокие, и ходила она немало времени, на все диковинки любующись; одна палата была краше

другой, и все краше того, как рассказывал честной купец, государь ее батюшка родимый; взяла она из кувшина золоченого любимый цветочек аленькой, сошла она в зеленые сады, и запели ей птицы свои песни райские, а деревья, кусты и цветы замахали своими верхушками и ровно перед ней преклонились; выше забили фонтаны воды и громче зашумели ключи родниковые; и нашла она то место высокое, пригорок муравчатый, на котором сорвал честной купец цветочек аленькой, краше которого нет на белом свете. И вынула она тот аленькой цветочек из кувшина золоченого и хотела посадить на место прежнее; но сам он вылетел из рук ее и прирос к

стеблю прежнему и расцвел краше прежнего. Подивилась она такому чуду чудному, диву дивному, порадовалась своему цветочку аленькому, заветному и пошла назад в палаты свои дворцовые; и в одной из них стоит стол накрыт, и только она подумала: «Видно, зверь лесной, чудо морское на меня не гневается, и будет он ко мне господин милостивый», — как на белой мраморной стене появились словеса огненные: «Не господин я твой, а послушный раб. Ты моя госпожа, и все, что тебе пожелается, все, что тебе на ум придет, исполнять я буду с охотою». Прочитала она словеса огненные, и пропали они со стены белой мраморной, как будто их никогда не бывало там. И вспало ей на мысли написать письмо к своему родителю и дать ему о себе весточку. Не успела она о том подумати, как видит она: перед нею бумага лежит, золотое перо со чернилицей. Пишет она письмо к своему батюшке родимому и сестрицам своим любезным: «Не плачьте обо мне, не горюйте, я живу во дворце у зверя лесного, чуда морского, как королевишна; самого его не вижу и не слышу, а пишет он ко мне на стене беломраморной словесами огненными, и знает он все, что у меня на мысли, и тое ж минутою все исполняет, и не хочет он называться господином моим, а меня называет госпожою своей». Не успела она письмо написать и печатью припечатать, как пропало письмо из рук и из глаз ее, словно его тут и не было. Заиграла музыка пуще прежнего, на столе явились яства сахарные, питья медвяные, вся посуда золота червонного. Села она за стол веселехонька, хотя сроду не обедала одна-одинешенька; ела она, пила, прохлаждалася, музыкою забавлялася. После обе-

да, накушамшись, она опочивать легла; заиграла музыка потише и подальше, по той причине, чтоб ей спать не мешать. После сна встала она веселенька и пошла опять гулять по садам зеленым, потому что не успела она до обеда обходить и половины их, наглядеться на все их диковинки. Все деревья, кусты и цветы перед ней преклонились, а спелые плоды, груши, персики и наливные яблочки, сами в рот лезли. Походив время немалое, почитай вплоть до вечера, воротилась она во свои палаты высокие, и видит она: стол накрыт, и на столе яства стоят сахарные и питья медвяные, и все отменные. После ужина вошла она в ту палату беломраморну, где читала она на стене словеса огненные, и видит она на той же стене опять такие же словеса огненные: «Довольна ли госпожа моя своими садами и палатами, угощением и прислугою?» И возговорила голосом радостным молодая дочь купецкая, красавица писаная: «Не зови ты меня госпожой своей, а будь ты всегда мой добрый господин, ласковый и милостивый. Я из воли твоей никогда не выступлю. Благодарствую тебе за все твое угощение. Лучше твоих палат высокиих и твоих зеленых садов не найти на белом свете: то и как же мне довольною не быть? Я сродясь таких чудес не видывала. Я от такого дива еще в себя не приду, только боюсь и почивать одна; во всех твоих палатах высокиих нет ни души человеческой». Появились на стене словеса огненные: «Не бойся, моя госпожа прекрасная: не будешь ты почивать одна, дожидается тебя твоя девушка сенная, верная и любимая; и много в палатах душ человеческих, а только ты их не видишь и не слышишь, и все они вместе со мною берегут тебя и

день и ночь: не дадим мы на тебя ветру венути, не дадим и пылинке сесть». И пошла почивать в опочивальню свою молодая дочь купецкая, красавица писаная, и видит: стоит у кровати ее девушка сенная, верная и любимая, и стоит она чуть от страха жива, и обрадовалась она госпоже своей, и целует ей руки белые, обнимает ее ноги резвые. Госпожа была ей также радозна, принялась ее расспрашивать про батюшку родимого, про сестриц своих старших и про всю свою прислугу девичью, опосля того принялась сама рассказывать, что с нею в это время произошло; так и не спали они до белой зари.

Так и стала жить и поживать молодая дочь купецкая, красавица писаная. Всякий день ей готовы наряды новые богатые и убранства такие, что цены им нет, ни в сказке сказать, ни пером написать; всякой день угощенья и веселья новые, отменные; катанье, гулянье с музыкою на колесницах без коней и упряжи, по темным лесам; а те леса перед ней расступались и дорогу давали ей широкую, широкую и гладкую, и стала она рукодельями заниматься, рукодельями девичьими, вышивать ширинки серебром и золотом и низать бахромы частым жемчугом, стала посылать подарки батюшке родимому, а и самую богатую ширинку подарила своему хозяину ласковому, а и тому лесному зверю, чуду морскому; а и стала она день ото дня чаще ходить в залу беломраморную, говорить речи ласковые своему хозяину милостивому и читать на стене его ответы и приветы словесами огненными.

Мало ли, много ли тому времени прошло: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — стала привыкать к своему житью-бытью молодая дочь купецкая, красавица писаная, ничему она уж не

дивуется, ничего не пугается, служат ей слуги невидимые, подают, принимают, на колесницах без коней катают, в музыку играют и все ее повеления исполняют; и возлюбляла она своего господина милостивого, день ото дня, и видела она, что недаром он зовет ее госпожой своей и что любит он ее пуще самого себя; и захотелось ей его голоса послушать, захотелось с ним разговор повести, не ходя в палату беломраморную, не читая словесов огненных. Стала она его о том молить и просить; да зверь лесной, чудо морское не скоро на ее просьбу соглашается, испугать ее своим голосом опасается; упростила, умолила она своего хозяина ласкового, и не мог он ей супротивным быть, и написал он ей в последний раз на стене беломраморной словесами огненными: «Приходи сегодня во зеленый сад, сядь во свою беседку любимую, листьями, ветками, цветами заплетенную, и скажи так: «Говори со мной, мой верный раб». И мало спустя времечка побежала молода дочь купецкая, красавица писаная, во сады зеленые, входила во беседку свою любимую, листьями, ветками, цветами заплетенную, и садилась на скамью парчовую, и говорит она задыхаючись, бьется сердечко у ней, как у пташки пойманной, говорит такие слова: «Не бойся ты, господин мой, добрый, ласковый, испугать меня своим голосом: опосля всех твоих милостей, не убоюсь я и рева звериноного; говори со мной, не опасаяючись». И услышала она, ровно кто вздохнул, за беседкою, и раздался голос страшный, дикой и зычный, хриплый и сиплый, да и то говорил он еще вполголоса; вздрогнула сначала молодая дочь купецкая, красавица писаная, услышала голос зверя лесного, чуда морского, только со

страхом своим совладала и виду, что испужалася, не показала, и скоро слова его ласковые и приветливые, речи умные и разумные стала слушать она и заслушалась, и стало у ней на сердце радостно.

С той поры, с того времечка пошли у них разговоры, почитай целый день, во зеленом саду на гуляньях, во темных лесах на катаньях и во всех палатах высокиих. Только спросит молода дочь купецкая, красавица писаная: «Здесь ли ты, мой добрый, любимый господин?» Отвечает лесной зверь, чудо морское: «Здесь, госпожа моя прекрасная, твой верный раб, неизменный друг». И не пугается она его голоса дикого и страшного, и пойдут у них речи ласковые, что конца им нет.

Прошло мало ли, много ли времени: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается, — захотелось молодой дочери купецкой, красавице писаной, увидеть своими глазами зверя лесного, чуда морского, и стала она его о том просить и молить; долго он на то не соглашается, испугать ее опасается, да и был он такое страшилище, что ни в сказке сказать, ни пером написать; не токмо люди, звери дикие его за всегда устрашались и в свои берлоги разбегались. И говорит зверь лесной, чудо морское таковые слова: «Не проси, не моли ты меня, госпожа моя прекрасная, красавица ненаглядная, чтобы показал я тебе свое лицо противное, свое тело безобразное. К голосу моему попривыкла ты; мы живем с тобой в дружбе, согласии, друг со другом, почитай, не различаемся, и любишь ты меня за мою любовь к тебе несказанную, а увидя меня страшного и противного, возненавидишь ты меня несчастного, прогонишь ты меня с глаз долой, а в разлуке с тобой я умру с то-